

Индивидуальные факторы атрибуции вины сторонними наблюдателями в ситуации насилия в отношении женщин

Винникова А.Ю.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1425-2547>, e-mail: st069750@student.spbu.ru**

Обидин И.Ю.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2327-4413>, e-mail: ioan.obidin@gmail.com**

Цель. Изучение связи между индивидуальными психологическими и социально-демографическими особенностями сторонних наблюдателей ситуации насилия и тенденцией к обвинению жертвы.

Контекст и актуальность. Несмотря на то, что ответственность за насилие всегда лежит на агрессоре, обвинение жертвы до сих пор является распространенным явлением, в частности в контексте домашнего насилия, что в свою очередь непосредственно сказывается на поведении жертвы. В настоящее время факторы виктимблейминга широко исследуются за рубежом, однако в полученных данных имеются противоречия. В России подобных исследований недостаточно, а существующие в основном касаются глобальных факторов.

Дизайн исследования. Изучались индивидуально-психологические особенности и социально-демографические характеристики сторонних наблюдателей, которые выбирают различные стратегии обвинения одной из сторон в ситуации насилия. На основании атрибуции вины в исследуемых ситуациях выборка была разделена на три группы: обвиняющие агрессора, обвиняющие жертву и непоследовательные в обвинениях. Группы сравнивались по социально-демографическим характеристикам, информированности о различных аспектах проблемы насилия, самоотношению, эмпатии, базисным убеждениям.

Участники. Российская выборка, 91 человек (38,5% мужчин, 61,5% женщин) от 19 до 68 лет.

Методы (инструменты). Метод вишенок; авторская анкета, содержащая вопросы о социально-демографических характеристиках, об информированности о насилии и личном опыте, связанном с ним; многомерный опросник исследования самоотношения С.Р. Пантилеева; «Диагностика уровня эмпатии» В.В. Бойко; шкала базисных убеждений в адаптации М.А. Падун, А.В. Котельниковой.

Результаты. По результатам исследования самоотношения выявлены достоверные различия в уровне саморукводства и самопривязанности между группой, обвиняющей агрессора, и другими группами. Выявлены значимые различия в уровне веры в справедливый мир между группой, обвиняющей агрессора, и другими группами. Значимых различий в характеристиках, связанных с эмпатией, не обнаружено. Рассмотренные группы сторонних наблюдателей достоверно различаются по оценке значимости проблемы насилия, информированности о явлении виктимблейминга, наличию учебного, профессионального или волонтерского опыта взаимодействия с пострадавшими, а также по возрасту и месту жительства.

Основные выводы. Были выявлены индивидуальные факторы виктимблейминга: большая вероятность обвинения жертвы связана с большей верой в справедливость мира, большей уве-

ренностью стороннего наблюдателя в том, что основным источником развития собственной личности, регулятором достижений и успехов является он сам (уровень саморегуляции), а также высокой ригидностью Я-концепции, стремлением сохранить восприятие и оценку себя (уровень самопривязанности). В случаях, когда сторонний наблюдатель оценивает проблему насилия как очень значимую, информирован о существовании такого явления, как виктимблейминг, имеет профессиональный, волонтерский или учебный опыт взаимодействия с жертвой насилия, уровень виктимблейминга снижается, вина приписывается агрессору. Молодые люди и люди, проживающие в мегаполисах, менее склонны к возложению вины на жертву. Полученные результаты необходимо использовать при планировании и разработке программ профилактики виктимблейминга, формировании групп и мишеней воздействия.

Ключевые слова: виктимблейминг; сторонний наблюдатель; атрибуция вины; насилие в отношении женщин; факторы виктимблейминга.

Для цитаты: Винникова А.Ю., Обидин И.Ю. Индивидуальные факторы атрибуции вины сторонними наблюдателями в ситуации насилия в отношении женщин // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 3. С. 143–162. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150309>

Individual Factor of Blame Attribution in Situations of Violence Against Women

Anastasia Yu. Vinnikova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1425-2547>, **e-mail:** st069750@student.spbu.ru

Ivan Yu. Obidin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2327-4413>, **e-mail:** ivan.obidin@gmail.com

Objective. Analysis of the relationship between the individual psychological and sociodemographic characteristics of bystanders and their tendency to blame the victim.

Background. Despite the fact that the responsibility for violence always on the aggressor, blaming the victim is still a common phenomenon. Currently, the factors of victim blaming are widely studied abroad, but there are contradictions in the obtained data. There is an insufficient amount of research in Russia, and existing research mainly concerns global factors, such as the role of the media.

Study design. The study examined individual psychological and social-demographic characteristics of the groups of bystanders who choose different strategies of blame attribution in a situation of violence. According to the results of the author's questionnaire, respondents were divided into three groups: blaming the aggressor, blaming the victim and inconsistent in blaming. The groups were compared by self-attitude, empathy, basic beliefs, sociodemographic characteristics and awareness of various aspects of the problem of violence. The differences between the groups were verified through the comparative analysis.

Participants. Russian sample, 91 people (38,5% of men, 61,5% of women) from 19 to 68 years old ($M = 32,3$; $SD = 13,6$).

Measurements. Vignettes containing descriptions of violent situations and options for attributing blame to participants in the situations. Author's questionnaire for sociodemographic data and data about awareness of violence, personal experience related to this topic. Multidimensional questionnaire of self-attitude research by S.R. Panteleev, "Diagnostics of empathy level" by V.V. Boyko, Russian version of World assumptions scale by M.A. Padun, A.V. Kotelnikova.

Results. We found significant differences between the groups according to the characteristics of self-attitude: the level of self-attachment in the group blaming the aggressor is significantly different from the level of self-attachment in other groups, the level of self-control in the group blaming the aggressor is significantly different from the level of self-control in the group blaming the victim. Significant differences in the level of believes in a just world between the group blaming the aggressor and other groups have been revealed. There were no significant differences in the characteristics of empathy. The groups considered differ significantly in assessing the significance of the problem of violence, awareness of the phenomenon of victim-blaming, the presence of the professional, volunteer or studying experience of interacting with a victim of violence, age and place of residence.

Conclusions. Identify the Individual factors of victim blaming in the Russian sample. The more the respondent believes in the just world, the higher the level of self-attachment and self-control, the more likely he is to blame the victim. The following individual factors are associated with a lower probability of victim-blaming: assessment of the problem of violence as more significant, awareness of the existence of such a phenomenon as “victim-blaming”, the professional, volunteer or studying experience of interacting with a victim of violence, young age and living in a megalopolis.

Keywords: victim-blaming; violence against women; blame attribution; individual factors; bystander.

For citation: Vinnikova A.Y., Obidin I.Y. Individual Factor of Blame Attribution in Situations of Violence Against Women. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 3, pp. 143–162. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150309> (In Russ.).

Введение

Под виктимблеймингом понимается возложение на жертву частичной или полной ответственности или вины за совершенное насилие. В ситуации насилия, кроме жертвы и агрессора, выделяют третью сторону — стороннего наблюдателя (bystander) или свидетеля (witness) — человека, который подозревает о возможном насилии или был осведомлен о нем; в данную группу не попадают профессионалы, работающие с жертвой или агрессором [32]. В ситуациях домашнего насилия жертва также сталкивается с обвинениями (высказывания близких людей, мнения в интернете). Реакция стороннего наблюдателя или ее отсутствие способны повлиять на ситуацию насилия. Так, вмешательство может приводить к снижению уровня виктимизации [11; 21], а социальное осуждение агрессора способствует снижению уровня насилия [6], причем эффект вмешательства стороннего наблюдателя проявляется как при личном

участии, так и виртуальном [15]. С другой стороны, обвинение жертвы и снятие вины с агрессора снижают готовность помогать пострадавшей [35].

При анализе виктимблейминга необходимо учитывать факторы разных уровней: глобальные, ситуационные, индивидуальные

Глобальные факторы виктимблейминга

К глобальным факторам относятся традиционные представления о гендерных ролях (особенно в ситуациях изнасилования [14]), нормализация самого феномена насилия в отношении женщин [7; 17; 18]. К ним же относятся двойные стандарты в отношении оценки поведения, связанного с сексом, у мужчин и женщин [14; 18]. Предубеждения по отношению к жертве оказывают влияние на проявления виктимблейминга [13], отсюда же проистекает большая подверженность обвинению жертв из дискриминируемых групп [24].

Другой группой глобальных факторов является влияние СМИ и медиа. Само по себе освещение ситуаций насилия может содержать прямое или косвенное обвинение жертвы и распространять мифы о насилиии [3; 9; 18; 34].

Значимым фактором виктимблейминга становятся некоторые явления в социальных сетях. Так, мемы способствуют быстрому формированию общественного взгляда на события. Нередко мемы укрепляют позицию виктимблейминга и делают ее удобной для переноса на подобные по содержанию ситуации [2]. Неоднозначную роль играет распространение информации в постах в социальных сетях [10; 25].

Индивидуальные факторы виктимблейминга

К индивидуальным факторам относят социально-демографические характеристики и индивидуально-психологические особенности свидетеля насилия.

Гипотеза веры в справедливость мира (Belief in a Just World) и связанные с ней теории являются одними из основных теоретических объяснений влияния индивидуальных и ситуационных факторов на обвинение жертвы. Согласно М. Лернеру [27], обвинение жертвы происходит из желания воспринимать мир как справедливое место, в котором люди вознаграждаются и наказываются пропорционально их поступкам. Когда человек становится свидетелем насилия, справедливость мира ставится под сомнение. Для поддержания справедливости в этой ситуации возможны два исхода: компенсация страданий жертвы или ее обвинение. Обвинение жертвы помогает удержать сохранным образ справедливого мира и снизить тревогу [19; 27].

Гипотеза веры в справедливость мира согласуется с теорией защитной атри-

буции. Когда человек отмечает сходство между собой и пострадавшим по каким-либо признакам, считается, что возникающее обвинение уменьшает воспринимаемое сходство с жертвой и уязвимость перед виктимизацией. Так, в исследованиях, проведенных на женских выборах, защитное приписывание вины эффективно снижало воспринимаемую уязвимость к сексуальной виктимизации [30].

Сами по себе высокие показатели веры в справедливость мира связаны с обвинением жертв [20; 37]. Однако еще один подход с опорой на эту теорию предполагает, что ведущим фактором для наблюдателя является возможность избавиться от негативных эмоций, вызванных несправедливостью: наблюдатель, имеющий возможность выразить негативные эмоции, связанные с ситуацией насилия, впоследствии меньше обвиняет жертву [22].

Некоторые данные опровергают гипотезы, основанные на теории защитной атрибуции. Женщины по сравнению с мужчинами реже обвиняют пострадавших от сексуализированного насилия в партнерских отношениях [18]. Установлено, что те, кто испытывают эмпатию по отношению к жертве и гнев по отношению к агрессору, в меньшей степени обвиняют пострадавшую [13], когда женщины-наблюдатели переживают объективизацию, это ведет к возрастанию эмпатии по отношению к пострадавшей [12].

Другими факторами, способствующими виктимблеймингу, являются вера в свободу воли [16], ощущение того, что наблюдатель обладает властью (в противоположность переживанию бессилия) [18], переживание угрозы собственной гендерной идентичности [29], ориентация на социальное доминирование и сексизм [36].

Исследования роли социально-демографических характеристик — уровня

образования, социального статуса и возраста — носят противоречивый характер [8; 17; 25; 36].

Наконец, наличие у свидетеля знаний по современной виктимологии влияет на снижение обвинений жертв [17], а сама попытка осмыслить ситуацию или привычка «к поиску смыслов» также ведут к снижению виктимблейминга [28].

Несмотря на то, что факторы виктимблейминга широко исследуются за рубежом, в России до сих пор имеется недостаточное количество исследований, а полученные данные касаются глобальных факторов. Данные зарубежных исследований носят противоречивый характер при оценке роли как глобальных факторов [25; 31; 38], так и индивидуальных и не укладываются в распространенные теоретические концепции, объясняющие виктимблейминг [13; 18; 21]. В связи с этим изучение на отечественной выборке индивидуально-психологических характеристик сторонних наблюдателей как факторов виктимблейминга является актуальной темой для исследования.

Метод

Выборку исследования составили 91 человек (56 женщин и 35 мужчин) в возрасте от 19 до 68 лет, средний возраст — 32,3 года ($SD = 13,6$). Проживают в мегаполисах 47,3% респондентов; в областных, краевых, районных центрах или в средних городах России — 52,7%. Критерием включения являлось достижение 18-летнего возраста.

Методики исследования. Самоотношение измерялось многомерным опросником исследования самоотношения, разработанным С.Р. Пантлеевым [5], эмпатия — с помощью методики В.В. Бойко «Диагностика уровня эмпатии» [1], базисные убеждения — с помощью шкалы базисных убеждений, разработанной

Р. Янов-Бульманом, адаптированной и стандартизированной М.А. Падун и А.В. Котельниковой [4]. Метод виньеток представлял собой стимульный материал, содержащий описание ситуаций насилия и ответы с различными вариантами атрибуции вины в ситуациях насилия в отношении женщин. Также использовалась авторская анкета, содержащая вопросы о социально-демографических характеристиках, определяющая информированность о насилии и наличие личного опыта, связанного с ним.

Математико-статистическая обработка данных включала: описательные статистики, сравнительный анализ с критерием χ^2 -Пирсона, сравнительный анализ с критерием Н-Краскела-Уоллиса, однофакторный многомерный дисперсионный анализ с критерием F-Фишера и критерием Шеффе для апостериорных сравнений.

В исследовании проверялась гипотеза о том, что сторонние наблюдатели насилия, характеризующиеся различными тенденциями приписывания вины, различаются по индивидуально-психологическим и социально-демографическим характеристикам.

Процедура проведения исследования. Все респонденты заполняли анкету, содержащую вопросы о социально-демографических характеристиках, об информированности о насилии и личном опыте, связанном с ним; заполняли методики для измерения самоотношения, уровня эмпатии и выраженности базисных убеждений.

В связи с задачами исследования был разработан стимульный материал для выявления стратегий атрибуции вины в ситуациях насилия в отношении женщин. Материал представлял собой 4 виньетки, содержащие описание ситуаций насилия: физическое/сексуализирован-

ное насилие со стороны интимного партнера, физическое/сексуализированное насилие со стороны незнакомца. К каждой ситуации предлагалось 8 вариантов ответа по 2 каждого типа: 1) приписывание вины жертве, 2) приписывание вины агрессору, 3) распределение вины между жертвой и агрессором, 4) отсутствие обвинения в адрес жертвы или агрессора. Ответы представлялись в рандомизированном порядке. Так как при исследовании виктимблейминга обвинение может быть более жесткой оценкой, чем ответственность [18], ответы, содержащие обвинение (1-3 тип), были представлены в двух формулировках: первая формулировка звучала как приписывание вины, вторая — как приписывание ответственности.

Пример описания ситуации в одной из виньеток и вариантов атрибуции вины:

«Женщина вечером пришла после работы домой и ждала мужа. Она хотела оформить развод, ей необходимо было, чтобы муж подписал документы. Супруги уже обсуждали вопрос развода, но муж не соглашался — просил дать их отношениям еще один шанс. Когда муж пришел, женщина передала ему бумаги с просьбой подписать. Он начал уговаривать ее подумать еще раз, говорил, что готов измениться. Женщина ответила, что все это они уже обсуждали. Он начал переходить на крик, обвинял ее в том, что она не хочет попытаться все исправить. В ответ женщина тоже перешла на крик, повторяя, что они уже пытались много раз, но ничего не изменилось. Тогда мужчина разорвал бумаги, бросил их в жену, начал толкать ее и повторять, что она сразу же сдастся, принимает импульсивные решения. Муж так разозлился, что ударил жену в плечо. Когда женщина сказала, что ей больно, он ответил, что ее слова о

разводе тоже причиняют ему боль, однако остановился, перестал толкать жену и ушел в другую комнату со словами, что он так просто не откажется от брака».

Инструкция испытуемому: «С каким или какими из приведенных утверждений, описывающих взгляд на ситуацию, Вы в большей степени согласны? Выберите 1–2 утверждения.

1. Жена сама виновата, что муж ее ударил, так как он пытался решить проблему, а она не шла ему навстречу.

2. Муж виноват в том, что ударил свою жену, даже если он не хочет разводиться, он не может пытаться решать эту проблему силой.

3. Муж и жена оба виноваты: она своим нежеланием попробовать решать проблемы без развода, а он тем, что сорвался и ударил вместо того, чтобы пытаться решить проблему словами.

4. Это обычная семейная ссора, так бывает, поэтому нет смысла искать виноватых.

5. Жене следовало заранее понять, что просьба развода разозлит ее мужа, она не должна была передавать документы лично, тогда она бы не попала под горячую руку.

6. Муж несет ответственность за то, что решил ударить свою жену, независимо от того, как он относится к разводу.

7. Они оба не умеют решать конфликты спокойно, поэтому ответственность за то, что в ссоре муж в итоге применил силу, несут оба.

8. Это просто конфликт, бывает, что людям сложно договориться».

На основании ответов респонденты были разделены на три группы (табл. 1).

Результаты

Полученные данные были обработаны с помощью программы «IBM SPSS Statistic 23».

Таблица 1

Распределение типов атрибутирования вины в исследованной выборке

	Название группы		
	Обвинение агрессора	Непоследовательность в обвинении	Обвинение жертвы
Количество	27	49	15
Всего	91		

В табл. 2 представлены результаты исследования показателей самоотношения.

В результате сравнения трех групп респондентов были обнаружены значимые различия по индивидуально-психологическим и социально-демографическим характеристикам между ними.

По результатам исследования самоотношения выявлены достоверные различия в уровне саморуководства ($p = 0,001$) и самопривязанности ($p = 0,007$). Тест Шеффе показал, что первая группа, ответы респондентов которой не содержат обвинения жертвы, отличается значимо

по уровню саморуководства от двух других групп, где отмечается склонность к виктимблеймингу: первая группа значимо отличается от третьей ($p = 0,002$), первая группа значимо отличается от второй ($p = 0,009$). Тест Шеффе показал, что среднее значение по шкале самопривязанности в первой группе — обвиняющих агрессора, а не жертву — значимо отличается от среднего значения в третьей группе — обвинявших хотя бы частично жертву ($p = 0,023$). Таким образом, более склонны к виктимблеймингу люди, которые считают, что обладают большим уровнем саморуководства, то есть более

Таблица 2

Средние значения показателей самоотношения в группах с разной атрибуцией вины

Группа	Обвинение агрессора ($N = 27$)		Непоследовательность в обвинении ($N = 49$)		Обвинение жертвы ($N = 15$)	
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
Открытость	5,59	1,93	6,37	1,81	6,33	2,29
Самоуверенность	9,41	2,66	10,2	2,57	10,87	2,03
Саморуководство	6,15***	2,23	7,67***	1,88	8,53***	2,13
Отраженное самоотношение	6,74	2,49	7,63	2,09	8,33	2,19
Самоценность	9,81	3,08	9,88	2,79	11,0	2,45
Самопринятие	8,33	2,06	8,9	1,81	8,73	1,67
Самопривязанность	4,93**	2,32	5,98	2,61	7,27**	2,96
Внутренняя конфликтность	6,07	3,8	5,16	4,62	4,27	4,54
Самообвинение	4,44	2,82	3,86	2,96	3,73	2,69

Примечания: ** — $p \leq 0,01$; *** — $p \leq 0,001$.

выраженным внутренним локусом контроля, и характеризуются более высокой самопривязанностью, которая выражается более ригидным образом Я, нежеланием менять представления о себе, собственные убеждения.

При исследовании эмпатии достоверные различия между тремя группами обнаружены не были. Группы не различаются ни по доминированию какого-либо канала эмпатии (эмоционального, рационального, интуитивного), ни по выраженности качеств, способствующих эмпатии.

В табл. 3 представлены результаты исследования базисных убеждений.

Из рассмотренных базисных убеждений группы достоверно различаются только по показателю веры в справедливость мира согласно результатам однофакторного дисперсионного анализа ($p = 0,005$). Результаты апостериорных множественных сравнений показали, что среднее значение веры в справедливый мир значимо различается между теми, кто не обвиняет жертву, и теми, кто всегда хотя бы частично обвиняет ее ($p = 0,017$). Различия также выявлены между первой группой, которая обвиня-

ет агрессора, и второй группой, которая непоследовательна в своих суждениях ($p = 0,021$). Таким образом, из всех базисных убеждений с виктимблеймингом связана только вера в справедливость: чем больше вера в то, что события неслучайны и подчиняются законам справедливости, тем больше склонность обвинять жертву.

Далее представлены различия групп по социально-демографическим характеристикам и по характеристикам, связанным с опытом столкновения с насилием, информированностью об этом феномене. Табл. 4 содержит распределение характеристик респондентов по группам.

Анализ социально-демографических данных, связанных с опытом столкновения с насилием или информированностью о проблеме, выявил следующие различия. В разных возрастных группах выявлено различие в приписывании вины ($p = 0,009$). Группа, не склонная к виктимблеймингу, отличается от группы, всегда приписывающей вину жертве ($p = 0,002$). Так, молодые люди менее склонны к виктимблеймингу и чаще приписывают

Таблица 3

Средние значения показателей базисных убеждений в группах с разной атрибуцией вины

Группа	Обвинение агрессора (N = 27)		Непоследовательность в обвинениях (N = 49)		Обвинение жертвы (N = 15)	
	M	SD	M	SD	M	SD
Шкалы						
Образ «Я»	30,96	5,99	32,1	6,68	33,27	4,51
Доброжелательность окружающего мира	35,41	8,18	35,73	7,5	36,4	7,62
Справедливость	17,81**	3,35	20,59**	4,48	21,67**	3,94
Удача	32,85	6,56	34,29	7,18	35,8	4,72
Убеждения о контроле	27,22	3,78	28,51	4,77	28,07	3,75

Примечание: ** – $p \leq 0,01$.

Таблица 4

Распределение демографических характеристик и наличия опыта, связанного с разными аспектами проблемы насилия, по группам с разной атрибуцией вины

Рассматриваемый признак		Обвинение агрессора (N = 27)	Непоследовательность в обвинении (N = 49)	Обвинение жертвы (N = 15)
Пол	Жен.	20	28	8
	Муж.	7	21	7
Возраст	18–35 лет	23	31	5
	36–55(60) лет	4	13	7
	65+ лет	0	5	3
Образование	Неполное среднее	0	1	0
	Среднее общее	3	3	1
	Среднее специальное	1	3	0
	Неоконченное высшее	14	12	3
	Высшее	9	30	11
Место жительства	Мегалополис	21	19	3
	Средние и мелкие города, села	5	28	12
Личный опыт, оцениваемый как физическое или сексуализированное насилие	Есть	13	23	9
	Нет	14	26	6
Опыт знакомых женщин, пострадавших от физического или сексуализированного насилия	Есть	20	29	6
	Нет	7	20	9
Наличие опыта профессиональной или иной деятельности с пострадавшими от насилия	Есть	15	11	5
	Нет	12	38	10
Оценка значимости проблемы насилия	Очень значимая	19	23	4
	Значимая	8	18	8
	Незначимая	0	8	3
Знание понятия «виктимблейминг»	Да	22	25	3
	Нет	5	24	12

вину за насилие агрессору, в то время как в группе пожилых людей наблюдается обратная картина: они склон-

ны последовательно в каждой ситуации приписывать вину пострадавшей (рис. 1). Выявляются статистически

достоверные различия в группах, различающихся по способу атрибуции вины, по критерию места жительства ($p < 0,001$). Так, респонденты, живущие вне мегаполисов, чаще склонны к виктимблеймингу, а жители мегаполисов чаще последовательно приписывают вину агрессору (рис. 2). В рассмотренных группах достоверно различается оценка уровня значимости проблемы ($p = 0,009$). Группа, не склонная к виктимблеймингу, отличается от группы, всегда приписывающей вину жертве ($p = 0,013$). Группа, не склонная обвинять жертву, оценивает проблему насилия как более значимую по сравнению с другими группами (рис. 3). В зависимости от знания понятия «виктимблейминг» различаются стратегии атрибуции вины ($p < 0,001$). Те, кому известно данное понятие, чаще приписывают вину агрессору, а те, кто не знаком с

данным понятием, наоборот, чаще приписывают вину жертве (рис. 4). Также с различиями в группах связан опыт профессиональной, волонтерской или учебной деятельности с пострадавшими ($p = 0,014$). Те, у кого нет опыта деятельности с пострадавшими, чаще последовательны в своих суждениях и в одних ситуациях обвиняют жертву, а в других — агрессора. Те, у кого данный опыт есть, демонстрируют большую последовательность и склонны чаще приписывать вину агрессору (рис. 5).

Значимых различий между группами, различающимися по способу атрибуции вины, при сравнении по полу ($p = 0,27$) и уровню образования ($p = 0,206$) не обнаружено. Также не обнаружено различий, связанных с личным опытом, оцениваемым респондентами как опыт перенесенного сексуализированного или физического насилия ($p = 0,667$).

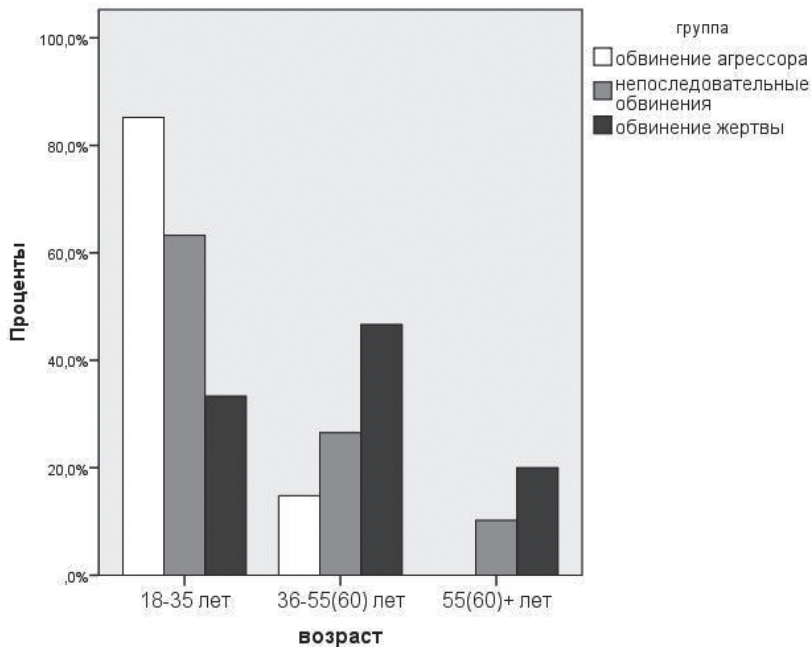

Рис. 1. Распределение групп с разной атрибуцией вины по возрасту

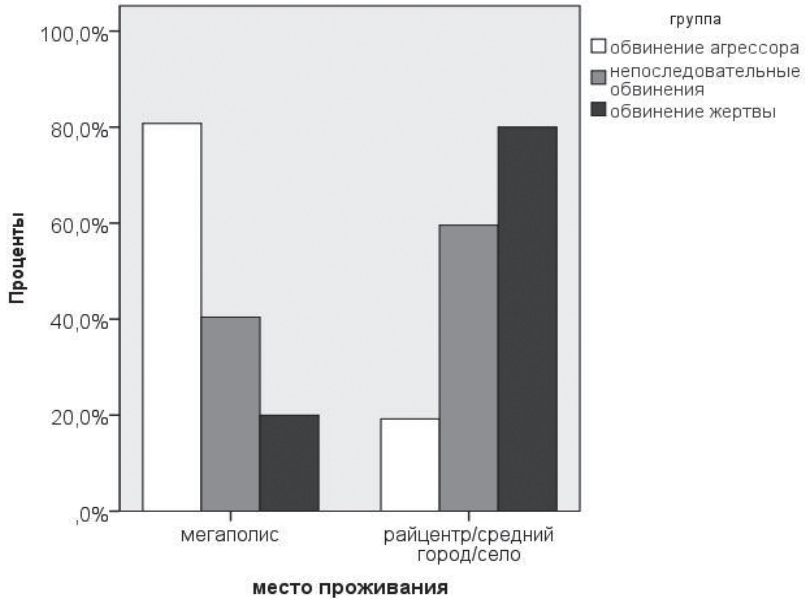

Рис. 2. Распределение групп с разной атрибуцией вины по месту проживания

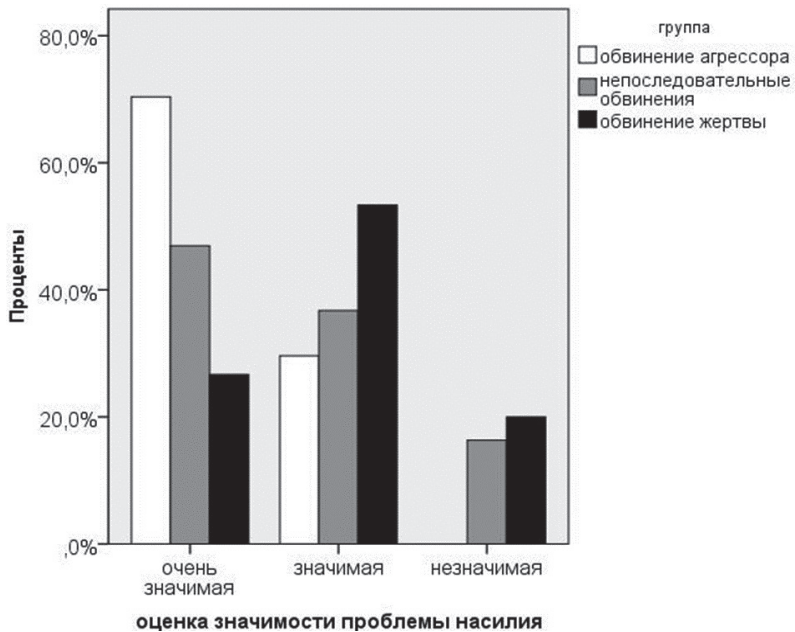

Рис. 3. Распределение групп с разной атрибуцией вины по оценке значимости проблемы насилия

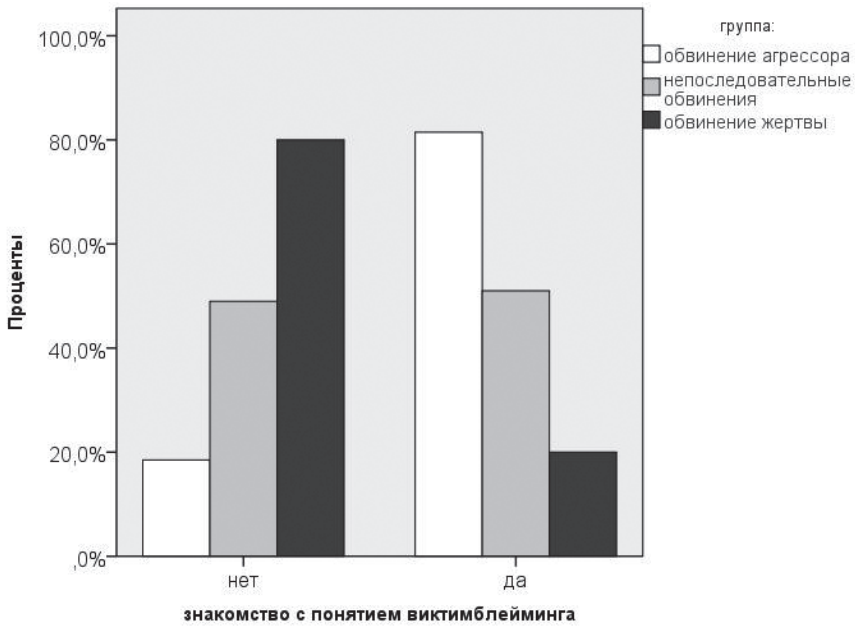

Рис. 4. Распределение групп с разной атрибуцией вины по знанию понятия «виктимблейминг»

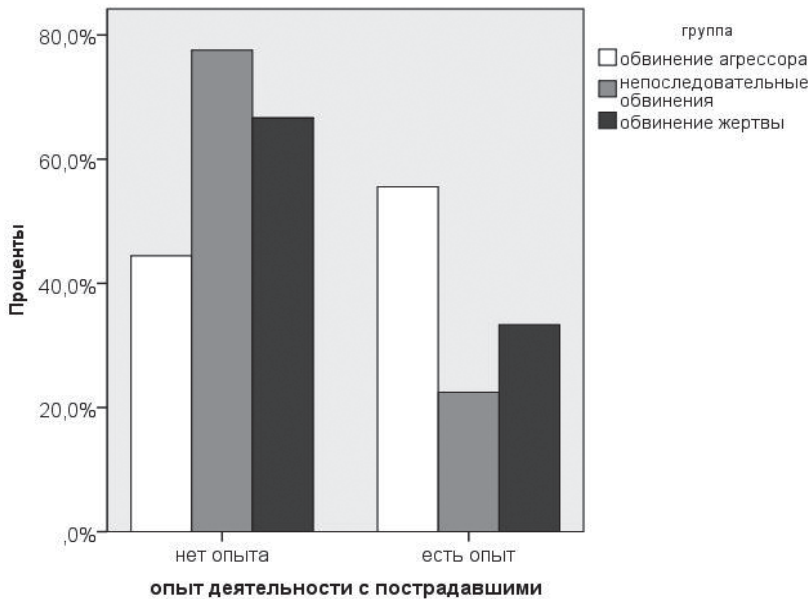

Рис. 5. Распределение групп с разной атрибуцией вины по наличию опыта деятельности с пострадавшими от насилия

Обсуждение результатов

Анализ результатов проведенного исследования позволяет выделить индивидуальные факторы виктимблейминга, связанные с психологическими и социально-демографическими характеристиками наблюдателей.

Результаты исследования самоотношения указывают на наличие различий между группами, различающимися по способу атрибуции вины, по двум факторам. Во-первых, обвинение жертвы в ситуации насилия связано с уровнем саморуководства. Респонденты, которые считают, что обладают большим внутренним контролем над своей деятельностью и активностью, склонны в большей степени обвинять жертв. Можно предполагать, что данное представление распространяется как на оценку собственных действий, так и влияет на оценку действий окружающих. Саморуководство, представления о внутреннем контроле, наряду с некоторыми другими индивидуальными факторами виктимблейминга, могут рассматриваться с точки зрения особенностей когнитивных механизмов, конкретно — эгоцентрического мышления, в рамках которого наблюдатели в своих рассуждениях опираются на аналогии, проецируя собственную веру в способность самостоятельно контролировать происходящее с ними в жизни на других людей. Полученные результаты согласуются с подходами к проблеме виктимблейминга, которые опираются на представления о контроле и связанных с ним феноменах. Существующие теоретические концепции, с одной стороны, связывают представления о контроле с самообвинениями: приписывание себе контроля за произошедшее и возложение на себя ответственности за причинно-следственные связи [33]. С другой стороны, модель приписывания ответственности М. Алик

объясняет связь между представлениями наблюдателей о контроле и возложением вины на жертву [9]. Можно предполагать, что наблюдателям с представлениями о высоком внутреннем контроле над своей деятельностью (с высоким уровнем саморуководства) легче выделить аспекты ситуации, на которые могла бы повлиять жертва, и, следовательно, приписать ей вину за случившееся. Еще один близкий конструкт — вера в свободу воли — также связан с тенденцией возлагать вину на жертву [16].

Вторым фактором, относящимся к самоотношению, является самопривязанность, которая связана с ригидностью-гибкостью Я-концепции [5]. Респонденты с более ригидным образом Я склонны в большей степени обвинять жертву. Можно предположить, что данный фактор опосредует фактор более высокого уровня — распространенные стереотипы о ролевом поведении мужчин и женщин, сложившиеся в обществе, представления о том, какой должна быть «правильная жертва». Поскольку виктимблейминг связан с принятыми в обществе установками, можно предполагать, что самопривязанность является личностным фактором, который опосредует, насколько человек готов к восприятию новой информации, противоречащей его представлениям. Дальнейшая проверка данного предположения, возможно, позволит объяснить противоречивые результаты, касающиеся связи виктимблейминга и уровня гендерного равенства в обществе [23].

Обсуждая показатели, связанные с эмпатией, следует отметить, что значимых различий между группами, отличающимися по стратегии атрибуции вины, по всем изученным показателям не выявлено. Данный результат может служить подтверждением того, что не сама по себе

эмпатия связана с тенденцией обвинять жертву, а скорее значение имеют отдельные явления, связанные с ней. Так, одно из исследований демонстрирует, что участвовавшие в эксперименте женщины, подвергшиеся сексуальной объективации, испытывали больше эмпатии по отношению к жертве, что приводило к снижению уровня обвинения жертвы [12]. Результаты другого исследования демонстрируют, что меньше обвиняют жертв те наблюдатели, которые в большей степени им сопереживают и испытывают гнев по отношению к агрессору [13].

Наконец, результаты изучения базисных убеждений ожидаемо демонстрируют связь между верой в справедливость мира, то есть убеждением, что события происходят не случайно, а подчиняются законам справедливости, и виктимблеймингом: чем больше человек верит в справедливость мироустройства, тем больше он склонен обвинять жертву. Полученные данные согласуются с теорией справедливого мира. Вера в справедливость мира является одним из когнитивных искажений, которые помогают человеку восстановить представление о том, что каждый получает по заслугам, а наказывается только плохое поведение. Полученные результаты согласуются с данными других исследований, где проверялась данная теория [18; 26].

Как и в некоторых других исследованиях, не выявлено различий между мужчинами и женщинами [17; 23], также в рассматриваемых группах не наблюдалось значимых различий по уровню образования. В то же время такие характеристики, как место жительства и возраст, оказались связаны с тенденцией обвинять жертв. Так, жители мегаполисов чаще приписывают вину агрессору, а не жертве, в то время как жители средних и небольших городов чаще обвиняют по-

страдавшую. Более молодые респонденты менее склонны к виктимблеймингу в отличие от более старших возрастных групп. Полученные данные согласуются с данными исследований, проводившихся в европейских странах [8; 17; 36]. Можно предположить, что наблюдаемые различия связаны с психологическими особенностями, свойственными разным возрастным и социальным группам: жизнь в мегаполисе требует большей гибкости, способности менять свои представления при столкновении с новой информацией; в мегаполисах сосредоточено большинство организаций и проектов, направленных на профилактику домашнего насилия. Вероятно, взаимодействие этих факторов способствует снижению виктимблейминга у наблюдателей, проживающих в мегаполисах, однако данное предположение требует дальнейшей проверки. Различие между возрастными группами также может быть связано с тем, что гендерные стереотипы и представления о «правильном» поведении пострадавшей в большей степени распространены в старших возрастных группы и медленнее изменяются под воздействием новой информации.

В целом информированность и опыт, связанный с насилием, связаны с проявлением виктимблейминга. Однако, как установлено и в других исследованиях [18; 36], собственный опыт виктимизации не связан с большим или меньшим обвинением жертвы. Но информированность о данном явлении ведет к снижению виктимблейминга, как и опыт взаимодействия с пострадавшими от насилия, будь то профессиональная, учебная или волонтерская сфера. Это согласуется с данными, полученными в зарубежных исследованиях, согласно которым знания о современных положениях виктимологии ведут к снижению обви-

нений в адрес жертвы [17; 28]. Наконец, респонденты, которые считают проблему насилия более значимой, склонны не обвинять жертву, а приписывать ответственность агрессору. С одной стороны, это может быть связано с большей информированностью о проблеме, с другой — может указывать на то, что респондент больше задумывается о данной проблеме в целом, а сама попытка осмысления ведет к снижению виктимблейминга [28].

Стоит отметить, что различия в индивидуальных факторах чаще наблюдаются у крайних групп — группы с постоянным обвинением жертвы и группы с постоянным обвинением агрессора. Это позволяет выдвинуть предположение о большей роли ситуационных переменных для группы с непоследовательной атрибуцией вины, данное предположение требует дальнейшего изучения.

Отдельно следует обратить внимание на обнаруженный феномен, когда наблюдатели не распознают ситуацию как насилие. Чаще данное явление наблюдается в случае партнерского сексуализированного насилия, данный фактор является ситуационным, поэтому не рассматривался в рамках проведенного исследования. В настоящем исследовании удалось обнаружить, что респонденты, которые опираются, в первую очередь, на применение физической силы при оценке ситуации как насилия, чаще воспринимали сексуализированное насилие без прямой физической агрессии как конфликт или недопонимание. Такой подход позволяет наблюдателю оценивать агрессора и жертву как равных участников ситуации, которые несут ответственность за ее течение и исход, что ведет к возложению как минимум части вины на жертву.

Полученные данные могут быть использованы при разработке программ профилактики виктимблейминга, в частности

в рамках борьбы с домашним насилием. Результаты исследования позволяют как выделить группы для профилактики (старшие возрастные группы, жители не крупных городов), так и учитывать психологические особенности, которые являются факторами виктимблейминга.

Заключение

Данные, полученные при исследовании атрибуции вины сторонними наблюдателями в ситуации насилия в отношении женщин, позволяют выделить три группы наблюдателей: наблюдатели, последовательные в приписывании вины жертве; наблюдатели, последовательные в приписывании вины агрессору; наблюдатели, непоследовательные в своих суждениях. Значимые различия в индивидуальных факторах чаще отмечаются между крайними группами — группой с последовательным обвинением жертвы и группой с последовательным обвинением агрессора.

Выделенные группы различаются по параметрам самооотношения. Наблюдатели, не склонные приписывать вину жертве, характеризуются более низкой ригидностью Я-концепции, меньшим стремлением сохранять восприятие и оценку себя (более низкая самопривязанность), а также меньшей уверенностью в том, что основным источником развития собственной личности, регулятором достижений и успехов являются они сами (более низкое самоуправление). Наблюдатели с большей склонностью приписывать вину жертве характеризуются более высоким уровнем веры в справедливость мира.

В результате исследования выявлены связи социально-демографических характеристик и информированности наблюдателей со склонностью обвинять жертву или агрессора. Было установлено, что возраст и место проживания

являются факторами виктимблейминга: менее склонны к обвинению жертвы более молодые наблюдатели (группа 18-35 лет) и наблюдатели, проживающие в мегаполисах. Другими факторами, влияющими на виктимблейминг, оказались информированность наблюдателей и наличие у них опыта взаимодействия с пострадавшими от насилия: менее склонны к виктимблеймингу наблюдатели,

информированные о данном явлении, считающие насилие очень значимой проблемой и имеющие опыт волонтерской, учебной или профессиональной деятельности с пострадавшими.

Полученные результаты необходимо использовать при планировании и разработке программ профилактики виктимблейминга, формировании групп и мишеней воздействия.

Литература

1. *Бойко В.В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М: Информ.-изд.: Дом «Филинь», 1996. 470 с.
2. *Кузнецов И.* Медиаемы как инструменты виктимблейминга [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ. Минск: Изд. Центр БГУ, 2017. С. 105–108. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/183835> (дата обращения: 01.10.2023).
3. *Курачинская В.П., Куликова О.А.* Виктимблейминг среди студенческой молодежи // Вестник университета. 2021. № 10. С. 178–186. DOI:10.26425/1816-4277-2021-10-178-186
4. *Падун М.А., Котельникова А.В.* Методика исследования базисных убеждений личности. М.: Лаборатория психологии и психотерапии посттравматического стресса ИПРАН, 2007. 95 с.
5. *Пантилеев С.Р., Столин В.В.* Методика исследования самооотношения. М.: Смысл, 1993. 32 с.
6. Профилактика насилия как фактор безопасности семьи: российский и казахстанский опыт / Ростовская Т.К. [и др.] // Женщина в российском обществе. 2018. № 1(86). С. 78–88. DOI:10.21064/WinRS.2018.1.7
7. *Abi Rached M., Hankir A., Zaman R.* Emotional abuse in women and girls mediated by patriarchal upbringing and its impact on sexism and mental health: a narrative review // *Psychiatria Danubina*. 2021. Vol. 33 (suppl 11). P. 137–144.
8. *Adams-Price C.E., Dalton W.T., Sumrall R.* Victim blaming in young, middle-aged, and older adults: Variations on the severity effect // *Journal of Adult Development*. 2004. Vol. 11. P. 289–295. DOI:10.1023/B:JADE.0000044532.83720.74
9. *Alicke M.D.* Culpable control and the psychology of blame // *Psychological bulletin*. 2000. Vol. 126(4). P. 556–574. DOI:10.1037/0033-2909.126.4.556
10. *Carlyle K.E. et al.* Intimate partner violence on Instagram: Visualizing a public health approach to prevention // *Health Education & Behavior*. 2019. Vol. 46 (2_suppl). P. 90–96. DOI:10.1177/1090198119873917
11. *Coker A.L. et al.* Multi-college bystander intervention evaluation for violence prevention // *American journal of preventive medicine*. 2016. Vol. 50(3). P. 295–302. DOI:10.1016/j.amepre.2015.08.034
12. *Dvir M., Nagar M.* Would victims blame victims? Effects of ostracism, sexual objectification, and empathy on victim blaming // *Frontiers in psychology*. 2022. Vol. 13. DOI:0.3389/fpsyg.2022.912698
13. *Felson R.B., Palmore C.* Biases in blaming victims of rape and other crime // *Psychology of Violence*. 2018. Vol. 8(3). P. 390–399. DOI:10.1037/vio0000168
14. *Felson R.B., Palmore C.C.* Traditionalism and victim blaming // *The Journal of Social Psychology*. 2021. Vol. 161(4). P. 492–507. DOI:10.1080/00224545.2021.1896466

15. *Fischer P. et al.* The bystander-effect: a meta-analytic review on bystander intervention in dangerous and non-dangerous emergencies // *Psychological bulletin*. 2011. Vol. 137(4). P. 517–537. DOI:10.1037/a0023304
16. *Genschow O., Vehlow B.* Free to blame? Belief in free will is related to victim blaming // *Consciousness and cognition*. 2021. Vol. 88. P. 103074. DOI:10.1016/j.concog.2020.103074
17. *Gracia E., Tomás J.M.* Correlates of victim-blaming attitudes regarding partner violence against women among the Spanish general population // *Violence against women*. 2014. Vol. 20(1). P. 26–41. DOI:10.1177/1077801213520577
18. *Gravelin C.R., Biernat M., Bucher C.E.* Blaming the victim of acquaintance rape: Individual, situational, and sociocultural factors // *Frontiers in psychology*. 2019. Vol. 9. P. 2422. DOI:10.3389/fpsyg.2018.02422
19. *Gross J.J.* Emotion regulation: Affective, cognitive, and social consequences // *Psychophysiology*. 2002. Vol. 39. P. 281–291. DOI:10.1017/S0048577201393198
20. *Hafer C.L., Sutton R.* Belief in a just world // *Handbook of social justice theory and research*. 2016. P. 145–160. DOI:10.1007/978-1-4939-3216-0_8
21. *Hamby S. et al.* What difference do bystanders make? The association of bystander involvement with victim outcomes in a community sample // *Psychology of violence*. 2016. Vol. 6(1). P. 91–102. DOI:10.1037/a0039073
22. *Harber K.D., Podolski P., Williams C.H.* Emotional disclosure and victim blaming // *Emotion*. 2015. Vol. 15(5). P. 603–614. DOI:10.1037/emo0000056
23. *Ivert A.K., Merlo J., Gracia E.* Country of residence, gender equality and victim blaming attitudes about partner violence: A multilevel analysis in EU // *The European Journal of Public Health*. 2018. Vol. 28(3). P. 559–564. DOI:10.1093/eurpub/ckx138
24. *Johnson V.E. et al.* “It’s not in your head”: Gaslighting, ‘Splaining, victim blaming, and other harmful reactions to microaggressions // *Perspectives on psychological science*. 2021. Vol. 16(5). P. 1024–1036. DOI:10.1177/174569162111011963
25. *Karlsson M. et al.* Intimate partner violence against women in the EU: a multilevel analysis of the contextual and individual impact on public perceptions // *Women & Criminal Justice*. 2022. Vol. 32(5). P. 417–430. DOI:10.1080/08974454.2020.1835792
26. *Kay A.C. et al.* Panglossian ideology in the service of system justification: How complementary stereotypes help us to rationalize inequality // *Advances in experimental social psychology*. 2007. Vol. 39. P. 305–358. DOI:10.1016/S0065-2601(06)39006-5
27. *Lerner M.J.* The belief in a just world. Springer US, 1980. P. 9–30. DOI:10.1007/978-1-4899-0448-5_2
28. *Martens J.P. et al.* Meaning and blame: Meaning threats increase victim blaming, but profession and art can diminish it // *International journal of psychology*. 2023. Vol. 58(5). DOI:10.1002/ijop.12916
29. *Munsch C.L., Willer R.* The role of gender identity threat in perceptions of date rape and sexual coercion // *Violence against women*. 2012. Vol. 18(10). P. 1125–1146. DOI:10.1177/1077801212465151
30. *Pinciotti C.M., Orcutt H.K.* It won’t happen to me: An examination of the effectiveness of defensive attribution in rape victim blaming // *Violence against women*. 2020. Vol. 26(10). P. 1059–1079. DOI:10.1177/1077801219853367
31. *Pratt-Eriksson D., Bergbom I., Lyckhage E.D.* Don’t ask don’t tell: Battered Women living in Sweden encounter with healthcare personnel and their experience of the care given // *International journal of qualitative studies on health and well-being*. 2014. Vol. 9(1). P. 23166. DOI:10.3402/qhw.v9.23166
32. *Sánchez-Prada A. et al.* Bystanders of intimate partner violence against women and their willingness to intervene: An analysis of secondary data in Spain // *PLoS one*. 2022. Vol. 17(9). P. e0274822. DOI:10.1371/journal.pone.0274822

33. Shaver K.G., Drown D. On causality, responsibility, and self-blame: a theoretical note // Journal of personality and social psychology. 1986. Vol. 50(4). P. 697–702. DOI:10.1037/0022-3514.50.4.697
34. Slakoff D.C. “She did see warning signs but chose to ignore them”: perpetrator justification and victim-blaming narratives in true crime podcasts about intimate partner violence // Feminist media studies. 2023. P. 1–17. DOI:10.1080/14680777.2023.2171086
35. Spaccatini F. et al. Victim blaming 2.0: blaming sexualized victims of online harassment lowers bystanders’ helping intentions // Current Psychology. 2022. P. 1–11. DOI:10.1007/s12144-022-02884-8
36. Strickler S. et al. Variations in Women’s Attribution of Blame for Sexual Assault // Journal of interpersonal violence. 2023. Vol. 38(19-20). P. 10947–10971. DOI:10.1177/08862605231178359
37. Strömwall L.A., Alfredsson H., Landström S. Blame attributions and rape: Effects of belief in a just world and relationship level // Legal and Criminological Psychology. 2013. Vol. 18(2). P. 254–261. DOI:10.1111/j.2044-8333.2012.02044.x
38. Wemrell M. et al. Towards understanding the Nordic paradox: A review of qualitative interview studies on intimate partner violence against women (IPVAW) in Sweden // Sociology Compass. 2019. Vol. 13(6). P. e12699. DOI:10.1111/soc4.12699

References

1. Boiko V.V. Energiya emotsii v obshchenii: vzglyad na sebya i na drugikh [The energy of emotions in communication: a look at yourself and others]. Moscow: Publ. Dom “Filin”, 1996. 470 p. (In Russ.).
2. Kuznetsov I. Mediamemy kak instrumenty viktimleiminga [Elektronnyi resurs] [Mediamems as victimblaming tools]. Elektronnaya biblioteka BGU [Digital Library MGPPU]. Minsk: Publ. Tsentr BGU, 2017, pp. 105–108. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/183835> (Accessed 01.10.2023). (In Russ.).
3. Kurachinskaya V.P., Kulikova O.A. Viktimleiming sredi studencheskoi molodezhi [Victimblaming among students]. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*, 2021, no. 10, pp. 178–186. DOI:10.26425/1816-4277-2021-10-178-186 (In Russ.).
4. Padun M.A., Kotel’nikova A.V. Metodika issledovaniya bazisnykh ubezhdenii lichnosti [The methodology of the study of the basic beliefs of the individual]. Moscow: Laboratoriya psikhologii i psikhoterapii posttravmaticheskogo stressa IPRAN, 2007. (In Russ.). 95 p.
5. Pantileev S.R., Stolin V.V. Metodika issledovaniya samootnosheniya [The method of personal self-attitude research]. Moscow: Smysl, 1993. 32 p. (In Russ.).
6. Rostovskaya T.K. et al. Profilaktika nasiliya kak faktor bezopasnosti sem’i: rossiiskii i kazakhstanskii opyt [Violence prevention as a factor of family security: Russian and Kazakh experience]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian society*, 2018, no. 1(86), pp. 78–88. DOI:10.21064/WinRS.2018.1.7 (In Russ.).
7. Abi Rached M., Hankir A., Zaman R. Emotional abuse in women and girls mediated by patriarchal upbringing and its impact on sexism and mental health: a narrative review. *Psychiatry Danubina*, 2021. Vol. 33 (suppl 11), pp. 137–144.
8. Adams-Price C.E., Dalton W.T., Sumrall R. Victim blaming in young, middle-aged, and older adults: Variations on the severity effect. *Journal of Adult Development*, 2004. Vol. 11, pp. 289–295. DOI:10.1023/B:JADE.0000044532.83720.74
9. Alicke M.D. Culpable control and the psychology of blame. *Psychological bulletin*, 2000. Vol. 126(4), pp. 556–574. DOI:10.1037/0033-2909.126.4.556
10. Carlyle K.E. et al. Intimate partner violence on Instagram: Visualizing a public health approach to prevention. *Health Education & Behavior*, 2019. Vol. 46 (2_suppl), pp. 90–96. DOI:10.1177/1090198119873917

11. Coker A.L. et al. Multi-college bystander intervention evaluation for violence prevention. *American journal of preventive medicine*, 2016. Vol. 50(3), pp. 295–302. DOI:10.1016/j.amepre.2015.08.034
12. Dvir M., Nagar M. Would victims blame victims? Effects of ostracism, sexual objectification, and empathy on victim blaming. *Frontiers in psychology*, 2022. Vol. 13. DOI:0.3389/fpsyg.2022.912698
13. Felson R.B., Palmore C. Biases in blaming victims of rape and other crime. *Psychology of Violence*, 2018. Vol. 8(3), pp. 390–399. DOI:10.1037/vio0000168
14. Felson R.B., Palmore C.C. Traditionalism and victim blaming. *The Journal of Social Psychology*, 2021. Vol. 161(4), pp. 492–507. DOI:10.1080/00224545.2021.1896466
15. Fischer P. et al. The bystander-effect: a meta-analytic review on bystander intervention in dangerous and non-dangerous emergencies. *Psychological bulletin*, 2011. Vol. 137(4), pp. 517–537. DOI:10.1037/a0023304
16. Genschow O., Vehlow B. Free to blame? Belief in free will is related to victim blaming. *Consciousness and cognition*, 2021. Vol. 88, pp. 103074. DOI:10.1016/j.concog.2020.103074
17. Gracia E., Tomás J.M. Correlates of victim-blaming attitudes regarding partner violence against women among the Spanish general population. *Violence against women*, 2014. Vol. 20(1), pp. 26–41. DOI:10.1177/1077801213520577
18. Gravelin C.R., Biernat M., Bucher C.E. Blaming the victim of acquaintance rape: Individual, situational, and sociocultural factors. *Frontiers in psychology*, 2019. Vol. 9, pp. 2422. DOI:10.3389/fpsyg.2018.02422
19. Gross J.J. Emotion regulation: Affective, cognitive, and social consequences. *Psychophysiology*, 2002. Vol. 39, pp. 281–291. DOI:10.1017/S0048577201393198
20. Hafer C.L., Sutton R. Belief in a just world. *Handbook of social justice theory and research*, 2016, pp. 145–160. DOI:10.1007/978-1-4939-3216-0_8
21. Hamby S. et al. What difference do bystanders make? The association of bystander involvement with victim outcomes in a community sample. *Psychology of violence*, 2016. Vol. 6(1), pp. 91–102. DOI:10.1037/a0039073
22. Harber K.D., Podolski P., Williams C.H. Emotional disclosure and victim blaming. *Emotion*, 2015. Vol. 15(5), pp. 603–614. DOI:10.1037/emo0000056
23. Ivert A.K., Merlo J., Gracia E. Country of residence, gender equality and victim blaming attitudes about partner violence: A multilevel analysis in EU. *The European Journal of Public Health*, 2018. Vol. 28(3), pp. 559–564. DOI:10.1093/eurpub/ckx138
24. Johnson V.E. et al. “It’s not in your head”: Gaslighting, ‘Splaining, victim blaming, and other harmful reactions to microaggressions. *Perspectives on psychological science*, 2021. Vol. 16(5), pp. 1024–1036. DOI:10.1177/17456916211011963
25. Karlsson M. et al. Intimate partner violence against women in the EU: a multilevel analysis of the contextual and individual impact on public perceptions. *Women & Criminal Justice*, 2022. Vol. 32(5), pp. 417–430. DOI:10.1080/08974454.2020.1835792
26. Kay A.C. et al. Panglossian ideology in the service of system justification: How complementary stereotypes help us to rationalize inequality. *Advances in experimental social psychology*, 2007. Vol. 39, pp. 305–358. DOI:10.1016/S0065-2601(06)39006-5
27. Lerner M.J. The belief in a just world. *Springer US*, 1980, pp. 9–30. DOI:10.1007/978-1-4899-0448-5_2
28. Martens J.P. et al. Meaning and blame: Meaning threats increase victim blaming, but profession and art can diminish it. *International journal of psychology*, 2023. Vol. 58(5). DOI:10.1002/ijop.12916
29. Munsch C.L., Willer R. The role of gender identity threat in perceptions of date rape and sexual coercion. *Violence against women*, 2012. Vol. 18(10), pp. 1125–1146. DOI:10.1177/1077801212465151
30. Pinciotti C.M., Orcutt H.K. It won’t happen to me: An examination of the effectiveness of defensive attribution in rape victim blaming. *Violence against women*, 2020. Vol. 26(10), pp. 1059–1079. DOI:10.1177/1077801219853367

31. Pratt-Eriksson D., Bergbom I., Lyckhage E.D. Don't ask don't tell: Battered Women living in Sweden encounter with healthcare personnel and their experience of the care given. *International journal of qualitative studies on health and well-being*, 2014. Vol. 9(1), pp. 23166. DOI:10.3402/qhw.v9.23166
32. Sánchez-Prada A. et al. Bystanders of intimate partner violence against women and their willingness to intervene: An analysis of secondary data in Spain. *PLoS one*, 2022. Vol. 17(9), pp. e0274822. DOI:10.1371/journal.pone.0274822
33. Shaver K.G., Drown D. On causality, responsibility, and self-blame: a theoretical note. *Journal of personality and social psychology*, 1986. Vol. 50(4), pp. 697–702. DOI:10.1037/0022-3514.50.4.697
34. Slakoff D.C. “She did see warning signs but chose to ignore them”: perpetrator justification and victim-blaming narratives in true crime podcasts about intimate partner violence. *Feminist media studies*, 2023, pp. 1–17. DOI:10.1080/14680777.2023.2171086
35. Spaccatini F. et al. Victim blaming 2.0: blaming sexualized victims of online harassment lowers bystanders' helping intentions. *Current Psychology*, 2022, pp. 1–11. DOI:10.1007/s12144-022-02884-8
36. Strickler S. et al. Variations in Women's Attribution of Blame for Sexual Assault. *Journal of interpersonal violence*, 2023. Vol. 38(19-20), pp. 10947–10971. DOI:10.1177/08862605231178359
37. Strömwall L.A., Alfredsson H., Landström S. Blame attributions and rape: Effects of belief in a just world and relationship level. *Legal and Criminological Psychology*, 2013. Vol. 18(2), pp. 254–261. DOI:10.1111/j.2044-8333.2012.02044.x
38. Wemrell M. et al. Towards understanding the Nordic paradox: A review of qualitative interview studies on intimate partner violence against women (IPVAW) in Sweden. *Sociology Compass*, 2019. Vol. 13(6), pp. e12699. DOI:10.1111/soc4.12699

Информация об авторах

Винникова Анастасия Юрьевна, студент, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1425-2547>, e-mail: st069750@student.spbu.ru

Обидин Иван Юрьевич, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры кризисных и экстремальных ситуаций, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2327-4413>, e-mail: ivan.obidin@gmail.com

Information about the authors

Anastasia Yu. Vinnikova, Student, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1425-2547>, e-mail: st069750@student.spbu.ru

Ivan Yu. Obidin, PhD in Psychology, Senior Lecturer, Department of Psychology of Crisis and Extreme Situations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2327-4413>, e-mail: ivan.obidin@gmail.com

Получена 26.11.2023

Received 26.11.2023

Принята в печать 27.09.2024

Accepted 27.09.2024